

Арабские революции и отношения Россия-США

0. Казалось бы, странная постановка вопроса. Мы привыкли, что российско-американские отношения о другом: о ракетах, ядерном оружии, ПРО, европейской безопасности и расширении НАТО. На самом деле, это исключительно ущербный подход. Сразу скажу, что он делает российско-американские отношения закостенелыми, инертными и обреченными на то, чтобы развиваться по инерции прошлого. Отношения РФ-США должны быть и об арабских революциях тоже и сегодня - в первую очередь. И это постепенно происходит, хотя и скорее косвенно, чем напрямую.

События, происходящие сегодня на Большом Ближнем Востоке, прежде всего в Ливии и в отношении Ливии, являются одновременно и вызовом для российско-американских отношений, и очень важным индикатором приобретения ими определенной устойчивости, показателем заинтересованности высшего руководства обеих стран в том, чтобы сохранить достигнутый за 2 года «перезагрузки» уровень отношений, и возможным прологом к выработке принципиально новой для российско-американских отношений последнего времени модели взаимодействия двух стран на мировой арене, новой модели взаимодействия в реагировании на международные кризисы и конфликты, и, как ни парадоксально, фактором развития иных направлений российско-американской повестки дня, причем не имеющих к собственно арабским делам никакого отношения, прежде всего, ВТО.

Действительно, между ускорением процесса вступления России в ВТО, изменения американской позиции в этом вопросе от препятствия вступления РФ в ВТО в главный благоприятствующий фактор, и взаимодействием двух стран по Ливии есть прямая взаимосвязь. Я даже более скажу. Если Россия и вступит в ВТО до середины 2012 г., то благодарить мы за это должны будем арабского мальчика в Тунисе, который совершил самоожжение и с чего и начались все эти революции, и М. Каддафи, начавшего применять против восставших у себя в стране танки и самолеты.

Я уже не говорю о том, что события вокруг Ливии показывают новую модель американского подхода к применению военной силы в международных отношениях, принципиально новую для США последних лет форму интервенционизма, новый подход к закреплению лидерства Америки в мировых делах. Это изменение – по сути, отход США от имперской внешней политики Буша – имеет огромное значение для всех, в том числе и для России и российско-американских отношений.

Наконец, здесь не все так однозначно. Одновременно с индикатором позитива и фактором дальнейшего развития позитивных тенденций российско-американских отношений ситуация вокруг Ливии и характер выстраиваемого президентом Медведевым взаимодействия с США по Ливии становится дополнительным и мощным фактором, провоцирующим еще больший раскол российской политической элиты и правящего тандема. Раскол на тех, кто стремится к более тесному и устойчивому партнерству с США, и тех, кто видит в этом партнерстве угрозу для себя, для своего политического и экономического благополучия. Разумеется, Ливия не является причиной этого раскола. И даже не катализатором. Но Ливия является тем вопросом, тем объектом, вокруг которого происходит столкновение, которое еще больше усиливает сам раскол.

Итак, сначала поговорим про арабские революции, про Ливию, характер особенности реакции на все эти события со стороны Запада и США, и затем перейдем к российско-американским отношениям. И по Ливии и вообще в целом, в том числе по ВТО.

1. Арабские революции. Имеются все основания характеризовать эти события в Тунисе, Египте, Ливии, и уже в Бахрейне, Йемене и Сирии, как революции, так как вкуче они

представляют собой смену общественно-политической формации, гибель умеренных в плане исламизма, таких полусветских авторитарных режимов, и гибель того политического и международно-политического порядка, который обеспечивал отсутствие Большой войны и статус-кво на Ближнем и Среднем Востоке на протяжении последних десятилетий.

Причины: совмещение и резонанс нескольких внутренних и внешних факторов. И только их сочетание произвело данный эффект. Внутренние – это, прежде всего, демография и экономика. Демография заключается в том, что более 60 % населения арабских стран моложе 30 лет. Это исключительно молодые страны – со всеми вытекающими последствиями социального, экономического и политического характера. Кроме того, существенная часть этой молодежи грамотна, имеет образование, в том числе высшее.

Экономические факторы – колоссальная безработица и колоссальная коррупция. По оценкам экономистов, в ближайшие 10 лет в арабских странах необходимо создать 100 млн. рабочих мест. Это невозможно. Образованная, экономически активная молодежь не может найти себя. Плюс, коррупция, которая поглотила весь госаппарат, всю жизнь этих стран. Причем коррупция, которая завязана непосредственно на правящий режим. Наиболее лакомые куски экономики отходят к членам семьи президента – сыновьям, приближенным. То же самое, что во многих странах СНГ, причем даже таких разных, как Киргизия (Бакиев) и Белоруссия. Коррупция и безработица привели к падению, делегитимации правящих режимов. Эти режимы были легитимны на волне борьбы за независимость второй половины 20 века. Сейчас прогнили полностью, и на молодежь риторика о независимости уже не действует.

И вот молодое, амбициозное, экономически активное грамотное население видит полное отсутствие перспектив, видит, что ситуация только ухудшается и видит, что режим это только продлевает.

Внешний фактор – глобализация и такие ее проявления, как информатизация, неспособность государств контролировать информационные потоки, новые формы получения информации, информационное общество, Интернет, и так далее. На Ближнем и Среднем востоке мы впервые столкнулись с революциями, в буквальном смысле порожденными глобализацией. Не зря их называли твиттер-революциями. Люди получили возможность моментально узнавать о том, что происходит. Причем как у себя дома, в соседних городах, так и в соседних странах.

Без новых, не контролируемых правительствами источников информации эти революции были бы невозможны. Никто бы и не узнал о самосожжении молодого человека в Тунисе. А о восстании в Тунисе не узнали бы Египте, и так далее. Именно информатизация сделала возможным моментальное распространение волнений на почти что все арабские страны в том или ином виде. Именно глобализация и информационные технологии, альтернативные источники информации привели к **политическому пробуждению населения**. Это качественно новое явление современных МО, напрямую связанное с глобализацией. Раньше пробуждались только политические элиты. Теперь население, народные массы в целом.

Кроме того, информатизация сужает спектр доступных правительству репрессивных инструментов. Открытое применение силы, как в случае с Ливией, оказывается неприемлемым. Раньше – запросто, как на площади Тяньаньмэнь. Большинству населения сообщили бы, что имела место вылазка отморожков и предателей, и все. Теперь же это невозможно. Открытые силовые действия со стороны правительства, во-первых, неприемлемы для Запада – опять-таки, из-за общественного мнения в западных странах, которые тоже формируются СМИ, и, во-вторых, они провоцируют еще больший протест со стороны населения, приводят к еще большей эскалации протеста и восстания.

В этих условиях существуют 3 сценария развития событий, и все они сейчас имеют место в регионе. Первый – топить восстание в крови. Это имеет место в Ливии и Бахрейне. Второй – идти на некоторые уступки в надежде на то, что они позволят выпустить пар и ситуация так

или иначе нормализуется. Это – Сирия. По этому же пути пытались идти Мубарак в Египте и Бен Али в Тунисе, но ничего не получилось. Ситуация зашла слишком далеко. Третий сценарий – отставка диктатора и смена режима. Это произошло в Тунисе и Египте.

Что определяет то, по какому именно сценарию будет развиваться ситуация? Внутренняя ситуация – уровень благосостояния общества (где он выше, вероятность восстаний ниже – Саудовская Аравия, ОАЭ), но это не главное, так как не самые бедные подняли эти восстания, а, напротив, те слои населения, у кого не было угрозы умереть с голоду, у кого была возможность получения образования и грамотности. Более значимый фактор, определяющий характер реакции властей на уже произошедшее восстание – фигура диктатора. Коренное отличие Каддафи от Мубарака и Бен Али. Он – политик с большой буквы. Невероятно экстравагантный и харизматичный. Политик, сравнимый с Кастро и Че Гевара. Лидер революции. Для него уступить, сдать – просто неприемлемо. Это не соответствует его революционному романтическому ореолу, всей его философии.

Наконец, многое зависит от характера отношений того или иного диктатора с внешним миром, особенно с Западом. Те, которые завязят, выстроили с Западом плотные отношения и на которых у Запада есть инструменты влияния, менее склонны применять силу, так как это Западу будет неприемлемо. Те же, которые от Запада не завязят никак, как Каддафи, могут себе это позволить.

Восторжествуют ли революции окончательно и во всех арабских странах, сегодня предсказать невозможно. Понятно, что старый региональный порядок рухнул. Но приведет ли это обязательно к падению всех авторитарных режимов, включая монархии Персидского залива, не ясно. Не ясно даже, чем закончится ситуация в Ливии, так как уже очевидно, что без наземной операции Каддафи не победить. А к наземной операции Запад не готов ни материально, ни политически. Сохранение статус-кво, скорее всего, приведет к тому, что Каддафи одержит-таки победу над повстанцами, что, в свою очередь, недопустимо для Запада, который объявил его вне закона. В общем, пока здесь большой знак банкротства.

Еще меньшая ясность существует в вопросе о том, что будет в регионе политически и международно-политически в более отдаленной перспективе. Иными словами, что из всех этих революций получится. Банкротство арабских диктатур и стремление населения к переменам абсолютно не означает, что сейчас в регионе расцветет демократия и наступит экономическое процветание. Экономические проблемы региона в обозримой перспективе неразрешимы. Очень скоро у населения наступит разочарование, что приведет к каким угодно результатам, только не к демократии и стабильности.

На сегодняшний день кроме старых диктаторов в странах региона существуют только 2 четкие политические силы – армия и ислам. И победа армии, то есть установление военной диктатуры будет для стран региона наилучшим вариантом. Поскольку в условиях региональной специфики единственной формой демократизации в арабских странах является исламизация. До сегодняшнего дня, где бы ни предпринимались на Ближнем и Среднем Востоке попытки демократизации – это сразу и неизменно оборачивается усилением исламизма. Палестина – ХАМАС. Египет – местные выборы – «Братья мусульмане». Ливан – ХАМАС. И это абсолютно логично, так как авторитарные режимы буквально выжигали вокруг себя политическое поле. И единственное, кто мог сохраниться, это ислам и исламисты.

Однако, классические военные диктатуры маловероятны – среди населения сильны настроения в пользу большего народовластия. Равно как маловероятен приход к власти «Братьев мусульман» через выборы. Не они сегодня доминируют в протестных движениях, а образованная молодежь скорее либеральной направленности. Хотя, они присоединились к этой молодежи, сформировав очень причудливую коалицию, для которой единственный

объединяющий фактор – стремление избавиться от старого диктатора. Они играли заметную роль в революциях, являясь одной из четких участников восстаний. Примечательно, что все эти восстания были поддержаны Аль-Каидой и Хезболла, а также иранскими аятоллами. Но с учетом того, что они являются единственной консолидированной невоенной политической силой – именно четкой политической силой – их влияние, скорее всего, будет возрастать.

Вероятнее всего, будет некий сплав армии и политического ислама – в тех странах, где армия играет большую роль, как в Египте. И просто усиление ислама там, где армия менее сильна, как в Ливии.

Итак, мы будем иметь усиление исламизации при сохранении тех же экономических и демографических факторов. То, что происходит сегодня на Ближнем и Среднем Востоке – это только начало. Начало в плане политической радикализации, исламизации и дестабилизации. Абсолютно нельзя исключать, что многие страны региона погрузятся в состояние постоянной нестабильности, что радикализация и исламизация будут возрастать. Это будет использоваться радикальными и террористическими организациями, в том числе Аль-Каидой, и в итоге очень вероятно, что страны Ближнего Востока могут стать новыми Ираками и Афганистанами в части и террористической угрозы и в части той нестабильности, которая в целом от них исходит. При этом, в отличие от тех же Ирака и Афганистана, никакое государственное строительство извне осуществляться в отношении Египта, Туниса, Ливии и других стран не будет. Запад и США к этому не готовы никак. В своей радикализации и исламизации они могут быть предоставлены сами себе – как сейчас сами себе предоставлена Сомали и уже отчасти Йемен, где ситуация также развивается по сомалийскому сценарию.

Что может означать усиление «арабской демократии» и политического ислама для внешней политики стран региона? Ухудшение отношений с США и тем более с Израилем. Оба государства ненавидимы подавляющим большинством населения. Ненависть к Мубарак и прочим диктаторам усугублялось тем, что они поддерживали отношения с Израилем – Кемп-Девидские соглашения – и являлись союзниками США. И то и другое для большинства арабов – предательство.

В краткосрочной перспективе Египет, скорее всего, сохранит приверженность Кемп-Девиду, особенно если армия сохранит свои позиции в руководстве. Что будет дальше – непонятно. Но отношения политика в отношении Израиля и Палестинской автономии явно будет пересмотрена (например, может быть снята блокада Сектора Газа), может начаться снабжение палестинцев египетским оружием, и так далее. Политика в отношении США также будет пересмотрена в сторону ужесточения.

Причем симптомы этого появляются уже сейчас – впервые с 1979 г. Египет в лице его нового правительства разрешил иранским кораблям проход через Суэцкий канал. Это очень серьезный сигнал.

Что будет дальше, какие это будут политические режимы, какими будут их отношения с Израилем, с США – совершенно не понятно. Поэтому израильяне бьют тревогу. Главный победитель из всей этой ситуации – Иран. И потому, что он выглядит глыбой стабильности на фоне падающих авторитарных режимов, и потому, что напрашивается прямая аналогия с событиями в Иране 1979 г., в результате чего к власти в этой стране и пришли аятоллы, и потому, что происходит усиление политического ислама в регионе, и потому, что арабские страны будут ухудшать отношения с Израилем и США – главными противниками Ирана. Это тоже не может не внушать опасения.

2. Реакция США на арабские революции и на гражданскую войну в Ливии.

Эта реакция характеризовалась поддержкой революций при попытках сохранить хотя бы минимум порядка в регионе, по возможности сохранить свои политические позиции, в том числе через сохранение своих клиентов – абсолютных монархов Персидского залива, по возможности минимизировать исламизацию стран региона, не допустить усиления Ирана и, главное, сохранить мир между Египтом и Израилем.

США изначально осознавали все негативные последствия революций для самого региона и для себя. Но по идеологическим и историческим причинам не могли не поддержать эти революции. Во-первых, это шло бы вразрез с базовой американской миссией распространения демократии. Это не только проект администрации Буша. Это в разных формах характерно для США с первых дней существования государства.

Во-вторых, уже с 11 сентября 2001 г. в США укоренилось понимание, что статус-кво в Большом Ближнем Востоке не является фактором стабильности с безопасностью в долгосрочной перспективе. Что сохранение коррумпированных авторитарных режимов только усиливает радикализацию, исламизацию и международный терроризм, и делает грядущую неизбежную дестабилизацию только более масштабной. Другое дело, что та политика, которую на основе этой истины проводила администрация Буша, была еще более губительна, чем сама болезнь. Администрация Обамы, отказавшись от силового распространения демократии через свержение диктаторов, абсолютно не отказалась от самой идеи поддержки распространения демократии и свободы как таковой. А также не отказалась от понимания желательности и неизбежности перемен в регионе, и пыталась побудить своих партнеров, того же Мубарака, начать реформы.

В-третьих, у администрации перед глазами был негативный опыт Ирана – исламской революции 1979 года. Это – одно из самых масштабных поражений и позоров США за всю историю второй половины 20 века. Тогда они поддерживали шаха до последнего, а закончилось это приходом к власти аятолл на антиамериканской волне. Поэтому было понимание, что если они сейчас будут на стороне Мубарака, дело может закончиться приходом к власти «Братьев мусульман».

В то же время реакция США характеризовалась ощущением бессилия. Понимание, что они не могут не поддержать революции, но последствия этих революций могут быть и, скорее всего, будут губительными для американских интересов на Ближнем Востоке. Израиль уж точно считает их для себя губительными, а его влияние на американскую внешнюю политику и политику вообще огромно.

Разумеется, не обошлось без двойных стандартов. Они по полной программе проявились в американской реакции на события в регионе. С одной стороны, давили на Мубарака, чтобы тот не думал даже о применении силы и чтобы уходил, поддержали ливийских оппозиционеров и объявили Каддафи вне закона, когда восстания начались в Ливии, и начали войну против Каддафи, когда тот стал применять против восставших силу. С другой стороны, полностью молчат по поводу Бахрейна, который пригласил саудовские войска для подавления народного восстания. Это – проявление реал-политик и реалистических интересов США. Бахрейн не играет в арабском мире столь ключевой роли, как Египет. Плюс, там находится американский ВМФ.

А вот Египет играет в арабском мире центральную роль. Плюс он – гарант и основа ближневосточного мира, то есть отсутствия большой войны между арабским миром и Израилем. Поэтому он был и остается для США, возможно, самым большим вызовом.

Но не менее сложным вызовом стала Ливия, поскольку там разразилась настоящая гражданская война, и на нее надо было как-то реагировать. Кроме того, именно Ливия, а не Египет, стала фактором российско-американских отношений. К большому сожалению, события в Египте практически не нашли своего отражения в повестке дня российско-американских отношений, которая оставалась в феврале с.г. традиционной – ПРО, ядерное

оружие, частично вступление России в ВТО, и так далее. Египетские события обсуждались походя и по остаточному принципу. Это указывает нам на главный недостаток российско-американских отношений в настоящее время, при всем их улучшении благодаря «перезагрузке», - философская отделенность от главных тенденций и проблем международных отношений.

С Ливией же ситуация в корне изменилась. Но, опять-таки, не потому, что Россия и США занялись совместно решением главных проблем МО, а потому, что вопрос попал на повестку дня СБ ООН, где Россия – постоянный член, и потому, что встал вопрос о военной интервенции в отношении суверенного государства, а это для Москвы традиционно очень чувствительный вопрос. Россия - традиционно – категорически против интервенций и пересмотра суверенитета, особенно из-за вопросов прав человека. Которые, к тому же, часто используются как предлог, а на деле имеет место самоуправство.

Итак, перед США встал вопрос, как реагировать на Ливию. Вопрос – не праздный. С одной стороны, не поддержать восставших нельзя. Это было бы для Запада политическим унижением. Тем более, они к началу марта уже как бы объявили Каддафи вне закона. Была единогласно введена резолюция СБ ООН 1970, запрещающая поставки оружия в Ливию, Обама и прочие мировые лидеры, включая Медведева, объявили Каддафи вне закона. Медведев запретил ему и членам его семьи въезд на территорию РФ. То есть, политический выбор был сделан и это был выбор в пользу оппозиции.

Но как поддержать в условиях, когда Каддафи уже практически брал Бенгази – центр ливийского восстания, кроме как применением силы против Каддафи? Применение же силы может повести за собой весьма негативные последствия. Тем более, проводить наземную операцию и брать на себя ответственность за дальнейшую ситуацию в стране тоже категорически нельзя.

Уже к началу марта стало ясно, что предотвратить полный разгром восстания может только применение против Каддафи военной силы. В пользу интервенции в Ливию США также пытались склонить Франция и Великобритания, руководство которых увидело в сложившейся в этой стране ситуации возможность укрепить свои внутривосточные позиции, заняв воинственную позицию. Кроме того, они рассматривали это как шанс опровергнуть ставшие уже хрестоматийными утверждения о военно-политической слабости Европы и ее неспособности играть значимую роль в международной безопасности и направлять развитие событий в мире. Особенную активность здесь проявлял президент Франции Н. Саркози.

С другой стороны, возможное втягивание США в новую войну сулило еще большие проблемы.

Во-первых, тем самым подрывался бы образ Б. Обамы как «президента мира», который еще в 2008 г. пообещал Америке вывести ее из тех войн, куда ее завела администрация Буша, и во многом на этой основе с большим отрывом победил на президентских выборах. Получалось бы, что, как и Дж. Буш, Б. Обама втянул бы США в новую войну. (Как ни парадоксально, именно этот аргумент используется против него в настоящее время республиканцами).

Во-вторых, новая война усугубляла бы финансово-экономические проблемы США, а на фоне уже начавшегося болезненного сокращения оборонных расходов представлялась попросту непосильной. Особенно если речь зашла бы о длительных военных действиях.

В-третьих, с учетом того истощения военных и политических ресурсов, которое к настоящему времени наступило в США из-за длительных и во многом проигранных войн в Ираке и тем более Афганистане, они сегодня объективно не готовы к тому, чтобы начинать третью войну. А на фоне усталости США от войн в Ираке и Афганистане сама идея новой

войны воспринималась бы негативно, а призыв к ее началу стал бы в нынешних условиях для любого американского государственного деятеля политическим самоубийством.

В-четвертых, отсутствовали какие-либо свидетельства того, что для пресечения действий М. Каддафи против оппозиции и, тем более, отстранения его от власти, будет достаточно ограниченная и бесконтактная война, на которую Соединенные Штаты были бы готовы пойти в силу внутренних ограничений.

В-пятых, ввиду большой политической разрозненности ливийской оппозиции не было, и по сей день нет, никаких гарантий того, что отстранение от власти М. Каддафи приведет к политической стабилизации в стране и, тем более, превращению Ливии в демократию. Скорее, объективные факторы, в том числе радикализация населения, свидетельствовали об обратном. Соответственно, возникала бы потребность в длительной оккупации страны и осуществлении процесса государственного строительства «извне», к чему США сегодня абсолютно не готовы.

Кроме того, существовали также исторические аналогии с другими показательными примерами американской внешней политики, оказывавшие на администрацию Обамы и ее позицию по Ливии прямо противоположное воздействие. Причем оба эти примера касались внешней политики предыдущей демократической администрации – Б. Клинтона, что делало их для нынешнего Белого дома особенно актуальными.

Первой аналогией была провальная гуманитарная интервенция в Сомали, предпринятая США в 1992 – 1993 гг., которая в дальнейшем сильно критиковалась противниками администрации Клинтона как ненужное с точки зрения национальных интересов США военное вмешательство, повлекшая за себя напрасную гибель американских военнослужащих, и существенно снизившая склонность Вашингтона к военным интервенциям в течение первого срока клинтоновского президентства. Кроме того, операция в Сомали ощутимо ударила по внутривнутриполитическим позициям демократов и способствовала их грандиозному провалу на промежуточных выборах в Конгресс в 1994 году. С учетом нынешней усталости американского общества от войн в Ираке и Афганистане (отчасти сопоставимой с неоизоляционистскими настроениями в США в первые годы после окончания «холодной войны») урок Сомали воспринимался многими в США как весьма актуальный и показательный, и говорил в пользу воздержания от каких-либо действий в отношении Ливии, тем более таким, которые могли бы привести к эскалации военной операции и втягиванию США в новую войну.

Второй аналогией, производившей прямо противоположный эффект, и к которой апеллировали сторонники военного вмешательства США в гражданскую войну в Ливии, была политика администрации Клинтона в отношении Руанды, где в 1994 г. имел место геноцид, унесший жизни от полумиллиона до миллиона человек. Несмотря на то, что открытое уничтожение народности хуту и частично тутси силами временного правительства Руанды осуществлялось более 100 дней, Белый дом тогда из-за провала интервенции в Сомали принял решение не вмешиваться. Сторонниками либерального подхода к международным отношениям и, в целом, всеми приверженцами прав человека, это считается наибольшим позором администрации Клинтона и экс-президента США лично за всю историю его президентства. Указывается, что «единственная сверхдержава», рассуждавшая о «новом мировом порядке», «конце истории» и «стратегии расширения и вовлечения» в течение 100 дней наблюдала за тем, как уничтожались сотни тысяч человек, и не предприняла ничего, чтобы это остановить. В дальнейшем пример Руанды активно использовался администрацией Клинтона как обоснование необходимости военного вмешательства в Югославию в 1999 г. – якобы для пресечения геноцида в отношении косовских албанцев. Разумеется, опыт Руанды склоняла администрацию Обамы в пользу военного вмешательства в Ливию. Тем более, в его администрации работают многие деятели

эпохи Б. Клинтона, испытывавшие, как указывалось в США, прямое чувство вины за события в Руанде.

Исходя из этих соображений, в начале марта администрация Обамы колебалась. Она понимала риски, связанные с невмешательством, но в то же время опасалась негативных последствий от военной интервенции, тем более в случае ее эскалации.

Сама администрация была расколота. Однозначно против интервенции выступало все военное руководство США, включая министра обороны Р. Гейтса, главу Объединенного комитета начальников штабов М. Маллена, а также советник Б. Обамы по вопросам национальной безопасности Т. Донилон, его заместитель Д. Макдонах и советник Б. Обамы по вопросам международного терроризма Дж. Бреннан, считающиеся представителями «реалистской» школы. За интервенцию, в свою очередь, выступали посол США в ООН С. Райс, а также сотрудники аппарата Совета по национальной безопасности и советники Б. Обамы С. Пауэр, отвечающие как раз за вопросы прав человека, и М. Макфол. Кроме того, на сторону «интервенционистов» склонялась госсекретарь Х. Клинтон, как утверждается, во многом из-за памяти о Руанде и тогдашних действиях своего мужа Б. Клинтона. В сторону интервенции склонялся также глава сенатского комитета по международным делам Дж. Керри. Сам же Б. Обама занимал в первой половине марта с.г. срединную и колебательную позицию.

В любом случае, Вашингтон всячески избегал возможности втягивания в длительный военный конфликт и, тем более, принятия на себя ответственности за дальнейшее государственное и политическое устройство Ливии.

В результате примерно к 10-м числам марта Вашингтон сформулировал для себя как минимум **пять главных принципов**, определяющих как возможность участия США в военной интервенции в отношении Ливии, так и характер этой интервенции.

Во-первых, это то, что военная интервенция может иметь место лишь в том случае, если она будет легитимна и легальна. То есть, предпосылками к ней должны стать четкие сигналы о том, что она поддерживается международным сообществом в целом и знаковыми игроками в регионе, в частности (в данном случае – Африканский союз и Лига арабских государств) и закона с точки зрения международного права (то есть санкционирована Советом безопасности ООН). Даже склонявшаяся на сторону интервенционистов Х. Клинтон сразу заявляла, что возможность односторонней интервенции Вашингтоном не рассматривается вообще, так как она, по ее словам, лишь ухудшит ситуацию. Известно также, что Б. Обама поставил задачу обеспечить четкую резолюцию СБ ООН и поддержку стран региона в качестве условий операции. Это уже разительно отличает подход администрации Обамы от внешнеполитического поведения администрации Клинтона в ходе его второго президентского срока (многосторонняя, но нелегальная операция против Югославии) и, тем более, администрации Дж. Буша, которая возвела в начале 2000-х гг. односторонность в руководящий принцип американской внешней политики.

Во-вторых, это неприемлемость наземной операции ни при каких обстоятельствах. Об этом четко заявлял Б. Обама и в преддверии интервенции в Ливию, и уже после ее начала, в ходе соответствующего обращения к нации, посвященного ливийской войне. По сути, США продемонстрировали, что единственным приемлемым для них вариантом военного вмешательства является в обозримой перспективе т.н. бесконтактная война, осуществляемая путем авиа - и, в особенности, ракетных обстрелов противника с минимальными рисками потерь для самих себя. Несмотря на то, что США наращивали в близости от Ливии и наземные силы (морской десант), а время от времени в мировых СМИ появлялись разговоры и «утечки» о якобы готовящейся военной операции (являющиеся, скорее всего дезинформацией, распространяемой противниками США), возможность наземной операции исключалась и исключается впредь.

В-третьих, это краткосрочность операции по времени. Опять-таки, и Р. Гейтс, и Х. Клинтон, и затем сам Б. Обама, особенно в ходе обращения к нации по Ливии в конце марта с.г., четко указывали, что длительность операции будет невелика, что она будет «исчисляться днями, не неделями», и США прекратят свое участие сразу, при первой же возможности, когда будут созданы хотя бы предпосылки к тому, чтобы военная операция могла бы быть продолжена другими. Само участие США в военной операции было представлено скорее как вынужденное и нежелательное исключение из правила, которое будет преодолено как можно быстрее, нежели как изначальное продуманное решение США. Причем с учетом сокращения американского военного бюджета, продолжающихся военных действий в Афганистане и сокращающегося, но сохраняющегося присутствия США в Ираке, а также острого нежелания американской элиты и общества ввязываться в другую войну и брать за нее ответственность, именно краткосрочность военных действий становится для администрации Обамы определяющим критерием в решении о применении силы.

В-четвертых, это многосторонность в осуществлении военной операции и необязательность того, чтобы большая часть военных действий, а также управление операцией, осуществлялись именно США. Вашингтон изначально исключал возможность проведения интервенции в одностороннем порядке, пускай даже с санкции СБ ООН, и начал переговоры по военным ударам по Ливии как с Францией, Великобританией и другими странами коалиции, так и с НАТО. Утверждения о разделении ответственности и бремени в выполнении операций делались не в качестве пожелания, как в ходе второго срока администрации Буша, а в качестве стартовой заявочной позиции США и условия участия в военной операции. В результате США были предприняты в марте с.г. серьезные политико-дипломатические усилия для того, чтобы в максимально короткий срок передать функции по управлению военной операцией в отношении Ливии НАТО. Для этого потребовалось оказывать давление как на Францию, не желавшую изначально делить с альянсом функции по наведению порядка в Северной Африке по политическим причинам (традиционное французское восприятие стран Магриба как своей «вотчины»), так и на Германию, в принципе не поддерживавшую осуществление военного вмешательства.

В-пятых, это отказ США от того, чтобы брать на себя ответственность за постконфликтное урегулирование и стабилизацию ситуации после военных действий (при условии, что они приведут к положительным для коалиции политическим результатам). В значительной степени этой цели служит приверженность администрации Обамы многостороннему подходу в реализации военных миссий – найти тех игроков, которые согласятся взять на себя ответственность и платить за это соответствующую военную, экономическую и политическую цену. Опять-таки, хотя администрация Обамы не полностью устранилась к началу апреля с.г. от участия в решении ливийского вопроса (ее представители продолжают вести переговоры с ливийской оппозицией и т.д.), она всячески давала понять, что общая ответственность за ситуацию лежит на коалиции в целом, политическое лидерство в которой перешло к президенту Франции Н. Саркози, а оперативная – на НАТО.

К этому добавляется также субъективный «обамовский» фактор, а именно объявление Афганистана главным приоритетом внешней политики США и сосредоточение значительных сил для того, чтобы создать хотя бы видимость условий, позволяющих начать сокращение там американских войск с 2014 года. Для нынешнего Белого дома было бы крайне нежелательным расплыться и создавать для своих действий в Афганистане какие-либо дополнительные трудности. Равным образом, субъективный фактор Б. Обамы заключается в том, что по-прежнему основой его внешнеполитической риторики является завершение начатых Дж. Бушем войн и вывод войск. Втягивание в новую войну, тем более на Ближнем востоке, подрывало бы данный образ Б. Обамы как президента-«миротворца» и разрушало бы главный фактор привлекательности представляемой им внешнеполитической программы среди американского населения.

Действия США в отношении Ливии в полной мере отражали данные принципы.

Во-первых, проводилась серьезная работа с ЛАГ и американскими союзниками в Персидском заливе – чтобы те выступили в поддержку военной операции. И только призыв ЛАГ ввести бесполетную зону над Ливией, а также заявление ОАЭ, что они могут послать свои самолеты в поддержку этой бесполетной зоны, сделали возможным принятие соответствующей резолюции СБ ООН, а также окончательно склонили президента Обаму в пользу участия в военной операции.

Во-вторых, Вашингтон ни на минуту не давал повода усомниться в том, что будет действовать только через СБ ООН, что нарушающая международное прав операция невозможна. И тут так же проводилась большая работа, в том числе с Россией, о чем подробнее поговорим позже, а также с непостоянными членами СБ ООН – ЮАР и Нигерией, которые заявили о том, что проголосуют за резолюцию о бесполетной зоне.

В-третьих, военная операция началась только через день после принятия СБ ООН резолюции. Она была принята 17 марта, а ракеты и бомбы посыпались 19 марта.

В-четвертых, с самого начала военной операции США стремились уйти при первой возможности, и не выглядеть вдохновителем и главным звеном этой операции. Стало очевидно, что США хотят сделать в кратчайшие сроки то, что не могли бы сделать европейцы, и уйти. При первой возможности. Тут же начались переговоры с НАТО о том, чтобы альянс возглавил эту операцию, и так далее. Однако ввиду как нежелания Франции того, чтобы альянс в целом, а не она, осуществляла формальное руководство, так и нежелания Германии и ряда других стран-членов НАТО принимать в этой операции участие, эти переговоры продлились дольше, чем изначально планировалось. Тем не менее, к концу марта с.г. было достигнуто соглашение, в соответствии с которым НАТО будет осуществлять военное командование, а коалиция во главе с Францией – политическое руководство операцией. США же отходили, тем самым, на второстепенную роль в обоих случаях.

Но в последнюю неделю марта с.г. в НАТО все же был достигнут компромисс, и 27 марта с.г. альянс официально принял на себя командование операцией. Полностью под натовское командование операция перешла 31 марта сего года. Показательно также, что командующим операцией от альянса стал не американский, а канадский генерал – снимая тем самым возможные обвинения Вашингтона в том, что он продолжает командовать операцией под натовским «камуфляжем». Далее, в обращении к нации 29 марта с.г. Б. Обама объявил, что США переходят к вспомогательной роли в операции в Ливии (разведка, логистика, планирование, коммуникации и спасательные операции), хотя и будут держать в Средиземном море определенные силы на случай, если НАТО вновь понадобится американская помощь. Наконец, США объявили о прекращении своего непосредственного участия в операции 3 апреля, а в 22-00 4 апреля с.г. боевая часть американской миссии, действительно, завершилась. Не случайно, что в день, когда Вашингтон объявил о прекращении своего боевого участия в операции, Б. Обама объявил о начале новой предвыборной кампании по избранию его президентом США на второй срок.

Итак, впервые за все время после окончания «холодной войны» США, во-первых, явно сокращают роль военной силы как инструмента глобального регулирования и, во-вторых, перестают претендовать на то, чтобы являться главным игроком в разрешении большинства международных конфликтов и кризисов и решении большинства международных проблем. Действительно, примерно с середины 1990-х гг. США претендовали на роль, по сути, главной опоры международного порядка, а именно стремились играть лидирующую роль в разрешении большинства международных кризисов, направлять в выгодное для себя русло главные тенденции международного развития, и так далее. Сегодня же Вашингтон дает понять, что не будет участвовать во всем.

Это не означает, что США полностью отказываются от интервенционизма. Напротив, в рассматриваемый период Б. Обама делал самые жесткие за всю два года своего

президентства внешнеполитические заявления и требовал от М. Каддафи безоговорочного выполнения требований международного сообщества. Кроме того, Вашингтон поставил в марте с.г. и начал реализовывать задачу смены режима в Ливии – несмотря на то, что СБ ООН подобного решения не принимал. То есть, меняются методы и масштабы американского интервенционизма. Он становится более избирательным и «реалистским», в большей степени основанный на четкой градации национальных интересов США. В ближайшие несколько лет, тем самым, проводимые Вашингтоном военные интервенции будут по возможности легальными, легитимными, многосторонними, бесконтактными и кратковременными, при этом далеко не всегда США будут брать на себя центральную роль. Особенно в отношении стран и регионов, не относящихся к американским жизненно важным интересам.

3. Позиция России касательно ливийских событий и характер российско-американского взаимодействия по Ливии.

Позиция России сыграла во всей этой истории ключевую роль. Собственно, именно решение Президента Медведева не блокировать принятие резолюции СБ ООН 1973 позволило начать военную операцию – и позволило администрации Обамы сохранить лицо. Позволило ей продемонстрировать, что она не будет сидеть, сложа руки, пока Каддафи расправляется с повстанцами, и в то же время не будет втягиваться в новую войну на Ближнем Востоке. Имеются основания полагать, что решение Президента России не блокировать разработанный США проект резолюции СБ ООН, разрешающий применение военной силы против вооруженных сил М. Каддафи, – несмотря на все риски, связанные с началом военных действий и очевидную ангажированность позиции сторонников интервенции и даже некоторую безответственность с их стороны, – было принято им по итогам переговоров с вице-президентом США Дж. Байденом.

Занятая РФ позиция носит для нее весьма новаторский характер и даже идет в разрез с логикой и историей российской внешней политики за все годы после окончания «холодной войны». Во-первых, Москва все это время выступала за традиционное понимание суверенитета, отстаивала принцип невмешательства во внутренние дела суверенных государств – в случае, если они не представляли прямой угрозы внешнему миру, и не принимала т.н. «норму гуманитарной интервенции».

Во-вторых, Россия осознала в марте с.г. по сути авантюрный характер военного вмешательства в Ливию ввиду неясности ни военных, ни дальнейших политических целей коалиции. И те и другие формулировались сформировавшими коалицию странами, включая США, явочным порядком уже после начала военных действий. При этом вероятность реализации данных целей, опять-таки, была неясна.

В-третьих, Москва также осознала, что, начавшись, военная операция быстро перерастет из гуманитарной интервенции с целью защиты мирного населения (как указано в резолюции 1973) в интервенцию с целью свержения ливийского лидера М. Каддафи, что придает этой операции фундаментально иной оттенок и уже не может быть оправдано соображениями предотвращения массовой гибели мирного населения. Поскольку, начав военные действия, по политическим соображениям страны коалиции изначально не могли себе позволить прекратить их, не добившись отстранения М. Каддафи от власти, данная операция была обречена на то, чтобы стать очередным примером самоуправства в международных отношениях, когда группа стран по своей воле меняет неудобные им режимы.

Москва же всегда жестко выступала против подобного самоуправства. Создавалась опасность того, что, не заблокировав резолюцию, создававшую простор для подобного самоуправства и понимая, что страны коалиции будут добиваться отстранения М. Каддафи от власти тем или иным способом, Россия могла предстать как пассивный соучастник данного самоуправства.

А именно, прецедента легальной, но нелегитимной интервенции, когда по желанию отдельных стран свергаются те или иные правительства и режимы как таковые, а не просто принимаются меры против их отдельных шагов.

В-четвертых, в Москве осознавали безответственный, по сути, подход стран-участниц антиливийской коалиции, которые стремились начать военные действия, не имея никаких гарантий того, что они возымеют должный результат. Изначально не было никаких причин полагать, что предусмотренные резолюцией 1973 авиаудары остановят гибель мирного населения, уничтожат подконтрольную М. Каддафи ливийскую армию и, тем более, заставят М. Каддафи уйти в отставку. Хотя страны коалиции, очевидно, надеялись на то, что решительные авиа- и ракетные удары или заставят М. Каддафи сложить власть самостоятельно, или спровоцируют переворот с участием его ближайшего окружения, в том числе сыновей (слухи об этом постоянно возникают в западных СМИ), или же позволят оппозиции перейти в решающее наступление и установить контроль над страной. Как показали дальнейшие события, ни одна из этих надежд не оправдалась, – как и предсказывали многие изначально в российском руководстве.

Более того, не было никаких оснований полагать, что, даже придя гипотетически к власти, ливийская оппозиция установит в стране порядок и станет выстраивать более демократический и цивилизованный политический режим. Накануне и в ходе военной операции и у российских, и у западных наблюдателей существовал консенсус, что ливийская оппозиция не представляет собой консолидированной политической силы, что у нее нет общего лидера, что она может находиться в тесных связях с экстремистскими и даже террористическими организациями (в этом контексте показательным стала поддержка западных атак против М. Каддафи «Аль-Каидой», Ираном и «Хезболла»), и что в этой связи свержение ей М. Каддафи может погрузить страну в еще больший политический хаос – с крайне негативными последствиями для всего международного сообщества.

Все эти соображения заставляли многих представителей внешнеполитического руководства РФ склоняться к тому, чтобы применить в СБ ООН право вето и заблокировать резолюцию 1973. По имеющей информации, именно к этому склонились в МИД РФ.

Однако, как в дальнейшем заявил сам Д.А. Медведев, он направил в МИД и в представительство России при ООН четкие инструкции, заключавшиеся в том, чтобы не применять право вето, но и не голосовать «за» военную интервенцию.

Дальше – больше. Медведев не только не осуждал военные действия США в отношении Ливии во второй половине марта с.г., но даже открыто пресекал подобные попытки со стороны других высших руководителей государства, включая премьер-министра В.В. Путина.

21 марта с.г., находясь в Воткинске (Удмуртия), В.В. Путин подверг действия Соединенных Штатов острой и весьма эмоциональной критике, указав, в частности, что в применении ими военной силы нет «ни логики, ни совести». Он также заявил, что легкость в принятии решений о применении силы приобретает в политике США устойчивую тенденцию, и представил действия администрации Обамы в отношении Ливии как прямое продолжение тех шагов, которые предпринимались администрацией Клинтона в отношении Сербии и администрацией Буша в отношении Афганистана и Ирака. Примечательной была также критика В.В. Путиным резолюции СБ ООН 1973, принятой благодаря решению России воздержаться. «Резолюция Совбеза является неполноценной и ущербной, она разрешает все и напоминает средневековый призыв к крестовому походу. Фактически она позволяет вторжение в суверенную страну», – заявил премьер-министр России. Он также заявил, что Москва эту резолюцию не поддержала.

Спустя несколько часов после заявления В.В. Путина 21 марта с.г. Президент России сделал собственное заявление, в котором осудил заявленную премьер-министром позицию и

призвал впредь воздерживаться от резких формулировок. В частности, он назвал «недопустимым и неприемлемым» использование выражений типа «крестовый поход», которые, по его мнению, «по сути, ведут к столкновению цивилизаций». Он также указал, что занятая РФ позиция в СБ ООН по резолюции 1973 вполне продуманная и отражает его личные инструкции по этому поводу, а потому ошибочно было бы утверждать, что Россия ее не поддержала.

Следующий шаг Медведева – увольнение бывшего посла России в Ливии Владимира Чамова, выразившего несогласие с той позицией, которую по указанию Медведева Россия заняла в СБ ООН, а также в целом с отношением России к военным действиям против Каддафи.

Все эти заявления происходят на фоне визита в Россию министра обороны США Гейтса, вне всякого сомнения, являлись сигналами к США и со стороны Путина и со стороны Медведева. И далее Медведев проводит очень конструктивные переговоры с Гейтсом, предлагает ему посредничество в урегулировании ливийской ситуации, и так далее.

Что все это означает? Это означает, как минимум, две вещи.

Во-первых, Медведев показал, что он против того, чтобы Россия выстраивала свои национальные внешнеполитические интересы «от противного», занимая позицию, противоположную американской. Медведев показал, что Россия готова более тесно сотрудничать с США в части координации позиций по широкой международной повестке дня. В ряде случаев, вплоть до отхода от той линии, которая, возможно, была бы правильной с точки зрения международного права, международного порядка и не допущения серьезной международной дестабилизации.

Во-вторых, решение Д.А. Медведева по резолюции 1973 и дальнейшие шаги (открытое и жесткое несогласие с заявленной В.В. Путиным критической оценки действия США в отношении Ливии, отставка посла России в Ливии В. Чамова, также выступавшего категорически против интервенции) показывают, что на данном этапе сохранение и укрепление позитивного сотрудничества с США представляются Д.А. Медведеву как более значимые, чем отстаивание позиции, в большей степени соответствующей российской внешнеполитической традиции и идеологии, а также пониманию того, чем в реальности руководствуются страны антиливийской коалиции и какие цели они преследуют.

В этом контексте речь может идти или о большем прагматизме проводимого Д.А. Медведевым внешнеполитическом курса – стремлении получить в обмен за свою конструктивность некие встречные шаги со стороны США, которые могут показаться в нынешних условиях более значимыми, чем отстаивание принципиальной международно-политической позиции (вступление в ВТО, подвижки по ПРО и т.д.). Или – о принципиальном выборе Медведева в пользу выстраивания долгосрочных партнерских отношений с США и Западом в целом.

Пока совершенно невозможно сказать, что имеет место в действительности. Однако, важно другое – то, что Путин и существенная часть российского политического класса заняли в отношении ливийской операции кардинально иную позицию.

Объяснить крайне жесткие заявления Путина в адрес США невозможно без учета более широкого контекста российско-американских отношений. Без этого контекста они просто несколько странны, так как очевидно, что характер американского участия принципиально иной, нежели при Буше и Клинтоне.

Этим объясняющим контекстом является тот же визит Байдена в Москву 9-10 марта, когда Медведев, скорее всего, принял принципиальное решение не блокировать резолюцию. Тогда же Байден, судя по имеющейся информации, донес до российского руководства позицию США о том, что они «не рекомендуют» Путину снова баллотироваться в президенты. По

крайней мере, Байден сказал об этом российским оппозиционерам и правозащитникам. Нельзя исключать, что субъективная оценка событий в Ливии В.В. Путиным стала реакцией на данные заявления Дж. Байдена. В этом случае российско-американские отношения вступают в период большой неопределенности, который может закончиться новым качественным ухудшением отношений.

В любом случае, ни вмешательство Вашингтона во внутривнутриполитические процессы в России, ни разногласия между высшими руководителями российского государства по отношению с США, не идут на благо российско-американским отношениям.

Более или менее откровенное предпочтение Соединенными Штатами определенной части высшего политического руководства России может спровоцировать или усугубить раскол политической элиты РФ и в еще большей степени антагонизировать в отношении них ее консервативную часть, представленную Путиным. В случае же, если на президентских выборах в России в 2012 г. именно он одержит верх, то отношения между Россией и США могут серьезно испортиться.

Надо сказать, в Вашингтоне изначально преобладала точка зрения, что конструктивными российско-американские отношения могут быть только при президенте Медведеве, в то время как возвращение в Кремль Владимира Путина якобы неизбежно отбросит их назад. Вплоть до самого последнего времени это было скорее заблуждением. Однако после того как в марте вице-президент Байден все же высказал предпочтения Белого дома вслух, эти опасения приобрели характер самосбывающегося пророчества.

Итак, ситуация вокруг Ливии показала, что президент и премьер-министр России имеют разное представление о том, какими должны быть отношения Москвы и Вашингтона, и по-разному оценивают политику США. Причем отчасти виной тому – сама политика Вашингтона, который бесцеремонно заявил о своих предпочтениях. Вообще, так дела не делаются. Это нарушает все правила приличия и все каноны международной дипломатии.

Это говорит о том, что произошло своего рода раздвоение главной тенденции развития российско-американских отношений. Ливия стала как бы точкой бифуркации, после которой высвечиваются две совершенно разные линии, сценарии российско-американских отношений.

Одновременно имеют место попытки сторон не допустить снижения интенсивности позитивного взаимодействия, наполнить позитивную составляющую повестки дня российско-американских отношений новым содержанием, реализовать новые значимые для сторон проекты. А также – демонстрация сторонами того, что характер российско-американских отношений по кризисному урегулированию принципиально изменился. Этим занимаются администрация Обамы и Медведев.

И одновременно растет взаимное неприятие между администрацией Обамы и консервативной частью политической элиты РФ, представленной, прежде всего, премьер-министром В.В. Путиным, и тем самым закладывается основа для возможного нового – и весьма резкого – ухудшения отношений.

Данное раздвоение, скорее всего, является доминирующей чертой второго этапа «перезагрузки» отношений Россия-США, начавшегося после вступления в силу СНВ и особенно визита в Москву Байдена, и который закончится после президентских выборов в обеих странах.

Первый (медведевский) «трек» российско-американских отношений на этом этапе характеризуется тем, чтобы обеспечить продолжение позитивной динамики отношений РФ-США после завершения со вступлением в силу нового договора СНВ-3 первого этапа

«перезагрузки». Для этого предпринимаются попытки наметить и вынести на первое место в повестке дня отношений такие сферы, значимые для одной из сторон или обеих сразу, в которых возможно добиться зримого прогресса к началу 2012 г. и использовать его как доказательство успешности отношений и гарантии его стабилизации.

Подобной областью в марте с.г. было провозглашено экономическое сотрудничество Россия-США, и, в первую очередь, обеспечение ее вступления в ВТО в текущем 2011 году.

ДАЛЕЕ – по ВТО. США – главный фактор российского присоединения к этой организации. Давление на ЕС и Грузию. Но – не ясно, вступим ли.

То, что избранная Д.А. Медведевым тактика и, в целом, его стремление выстроить новый формат взаимодействия с США на международной арене работают, показал телефонный его разговор с Б. Обамой 24 марта сего года. По информации Белого дома, президент США выразил Д.А. Медведеву благодарность и за ее позицию в отношении резолюции 1973 и за «последующие позитивные заявления, сделанные Президентом Медведевым касательно мандата резолюции». Кроме того, указывается в официальном сообщении, Б. Обама также подтвердил свою поддержку вступлению России в ВТО в текущем году, приверженность работе с Конгрессом по отмене поправки Джексона-Вэника и установлению с Россией нормальных торговых отношений на постоянной основе.

Все это косвенно свидетельствует в пользу того, что оба президента разделяют необходимость совершения Соединенными Штатами встречных шагов в отношении России в ответ за ее позицию по ливийскому вопросу, и что этим шагом может стать реальная поддержка США вступлению РФ в ВТО в 2011 году.

Однако все эти позитивные предпосылки могут быть нивелированы негативными последствиями предпринятой США в лице Дж. Байдена попытки повлиять на российский внутривнутриполитический процесс путем возможно выраженной им в ходе визита в Москву в марте с.г. кандидатуры Д.А. Медведева на выборы Президента страны в 2012 г.